

Иероним Ясинский

Типы Царского сада

Иероним Иеронимович Ясинский

Типы Царского сада

Аннотация

«День выдался жаркий, хоть и апрельский, и в тёплом пальто было тяжело бродить по откосам и крутизнам Царского сада, в надежде встретить живописное местечко и зачертить в альбом. Живописных местечек тут, разумеется, множество, и оттого для нашего брата, художника, так затруднителен выбор: и направо дерево дуплистое, корявое, раскидистое, старое, такое, что, глядя на него, душа радуется; и налево, чудного весеннего тона, и прямо, и куда ни кинешь глазом...»

Содержание

Дворянская дочь	4
Петька Голый	10
Дунька Плешивая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Иероним Ясинский

Типы Царского сада

(Из альбома художника)

И. Е. Репину

Дворянская дочь

День выдался жаркий, хоть и апрельский, и в тёплом пальто было тяжело бродить по откосам и крутизнам Царского сада, в надежде встретить живописное местечко и зачертить в альбом. Живописных местечек тут, разумеется, множество, и оттого для нашего брата, художника, так затруднителен выбор: и направо дерево дуплистое, корявое, раскидистое, старое, такое, что, глядя на него, душа радуется; и налево, чудного весеннего тона, и прямо, и куда ни кинешь глазом.

Полчаса проискал я чего-нибудь ещё поживописнее и, наконец, спустился под гору. Огромная липа привлекла моё внимание. Эта липа, толщиной в два обхвата по крайней мере, роскошно разрослась и слегка наклонилась к горе, точно поддерживала её тяжесть, упираясь в землю огромными полубогажёнными корнями, расходившимися наподобие двух

могучих ног. По глинистому руслу змеился ручеёк, и было бы преступлением, если б я не остановился на этой красавице липе. Благо, недалеко лежал большой камень. Я сел на него, раскрыл альбом и стал работать.

Корни липы, расходясь, образовывали нечто вроде пещеры, но только неглубокой. Когда карандаш мой дошёл до неё, я заметил, что тень в ней чересчур пестра. Я встал и, к удивлению своему, увидел, что там была скамейка, на которой мог бы лечь человек, подобрав под себя ноги. Возле скамейки стоял глиняный красный кувшин с отбитой ручкой, и валялся букет пролесок.

Пещера была обитаема!

Я знал, впрочем, что Царский сад населён разной бездомной голытьбой; но я не думал, что населён он в прямом смысле слова. И моё недоумение и удивление было скорее археологического характера: так удивился бы археолог, который, зная о доисторических людях только из книг и по музеям, вдруг очутился бы перед жилищем пещерного человека.

Позади меня раздался треск сухого сучка. Я обернулся: шла нищая, ужасная на вид, в ваточной кацавейке, в грязном тёплом платке, в отрёпанной, светящейся от дыр, ситцевой юбке и резиновых стоптанных калошах. Из глубины этого клубка тряпок светилась пара узеньких человеческих глаз, и краснел острый нюхающий нос.

– Здравствуйте, – произнесла она, приближаясь.

– Здравствуйте, – ответил я.

Она хрипло засмеялась.

– Вы что здесь делаете, барин?

– Видите – рисую.

Новый взрыв хриплого смеха.

– Для чего рисуете?

– Так надо.

– Так надо, – повторила она и заглянула в альбом.

– Сымите меня, барин, – сказала она помолчав.

Нищая была очень типична, я приготовил новый листок альбома.

– Хорошо, садитесь, я нарисую вас.

– Где садиться?

– Садитесь на эту скамеечку.

– Хи-хи-хи!

– Что вам смешно? Сидите смирно. Я заплачу вам.

Она уселась. Но не успел я обвести контур её фигуры, как она опять заволновалась.

– Мне, барин, выпить хочется за ваше здоровье... Барин, а барин, когда я была молоденькая, то один прапорщик мне пять рублей дал за то, что я снялась... в полном своём виде. И тую карточку он при сердце своём по гроб жизни обещал носить... Мне ежели, барин, дадите двугривенный, то я выпью... Ах, как выпью!

– Тише, пожалуйста. Вот ответьте мне лучше, здесь ночуют, в этом дупле?

– Хи-хи-хи!

– Вам трудно сказать, что ли?

– Ночуют! Все ночуют! Кто первый пришёл, тот и ночует.

Здесь свадьбы справляют! Хи-хи!

– И вы?

– А как же!

– Вам лет сорок?

– Я не считала. Может, я ещё и молода. Меня унтер-офицеры очень обожают. Я ведь не какая-нибудь. Я – дворянская дочь, – продолжала нищая. – Они меня за благородство избирают. Тут молоденьких много шляется. Да кровь не та. Нет!

– Если вы дворянка, зачем вы называете меня барином?

– Как же вас назвать? Ну, хорошо, буду говорить вам: господин фотограф.

Она засмеялась.

– Отпустите, ой отпустите душу на покаяние! Пить хочется, смерть моя!

– Подождите немножко. Не вертитесь.

– И зачем вам мой патрет – право, и не знаю, – с кокетливой ужимкой начала она.

– Сами просили!

Она закрыла лицо рукой и сквозь пальцы жеманно смотрела на меня.

– Примите руку.

В ответ она стала смеяться, тереть ладонью по носу и, наконец, легла.

– Ой, – смерть моя!

– Ни копейки не получите! – сказал я и захлопнул было альбом.

Она мгновенно выпрямилась, скромно села и не шевелилась.

– Сымайте уже, сымайте скорей! Это я так.

Я начал рисовать.

– Глаза рисуете?

– Да.

Она широко раскрыла глаза.

– Что вы делаете?

– Чтоб лучше вышло. Когда глаза большие, то красивее.

Она кокетничала!

– Скажите, вы постоянно в саду? Круглое лето?

– А то ж! Да и зимою случается, когда к Терещенко, в ночлежный дом, не попадёшь.

– Зимою в саду?

– Новости какие! До кучи сберёмся, мужчины и бабы, и греемся. В прошедшем году одна девушка Богу душу отдала. Или мы приспали её, или уж худо одета она была, а только так случилось. Проснулась я... Братцы мои! Что это, лёд такой у меня под боком! Цап – аж то Машка зачоченела...

Она пожевала мягкими, как у лошади подвижными губами.

– Красивая эта девушка была, – начала она вдумчиво. – Тело белое, а ни пятнышка. На меня была похожа.

– Вы никогда не пробовали служить?

– На что мне служить? Хи-хи-хи! Невидаль! Да и где место найдёшь? И кто меня возьмёт... такую...

– Какую?

– Дворянскую дочь, – пояснила она. – Непривычное дело моё!

– Но когда-нибудь и что-нибудь вы работали?

Она долго думала, как бы вспоминала. И, наконец, решительно сказала:

– Никогда! Я у своих родителей была первой дитёй. А родители были богатые, в казённом месте готовая квартира с отоплением и прислугой, и маменька каждый день на фортепьянах играли... Учили меня, правда, да что толку...

Она махнула рукой.

– Господин фотограф! Великодушный мусье! – вскричала она. – Подступило! Сюда подступило! Пить! Позвольте хоть на крючок...

Я дал ей двугривенный. Она вскочила с быстротой молодой девушки, и нос её ещё сильнее покраснел от радости и от предвкушения блаженства выпивки. Но мимоходом она не забыла взглянуть на свой портрет. Она ухмыльнулась, покачала головой, лукаво взглянула на меня и исчезла в кустах.

До меня долго доносился её хриплый смех.

Петька Голый

...Предо мною стоял человек лет сорока восьми, невысокого роста, мальчик по сложению, с кудлатой бородёнкой песочного цвета, с большой головой и с огромным, до ушей, тонкогубым ртом, придававшим всей неприятной обрзине незнакомца что-то лягушечье. Совершенно круглые металлические глазки прятались в морщинистых веках, картуз, с разорванным надвое бумажным козырьком, ухарски сидел на макушке, и красная кумачовая рубашка была расстёгнута, обнажая белую, безволосую грудь. Поверх рубашки был надет пиджак щёгольского покроя. Шёлковая подкладка лохмами висела там и сям. Ни одной пуговицы не сохранилось на пиджаке. Незнакомец стоял, заложив в карманы пиджака руки и смотрел в упор на меня. Панталоны его состояли из обрывков какой-то синей материи, должно быть китайки, грязной-прегрязной. Дыры были так громадны, что ноги казались голыми и белелись на тёмно-зелёном фоне Царского сада точно две берёзки, плохо одетые скудной листвой. На ступнях же красовались порыжелые ботинки с загнувшимися кверху носками, напоминая собою копыта извозчичьей лошади.

— Что ж вам, господин, надо? — сказал, наконец, незнакомец, между тем как я пристально смотрел на него.

— Посидите или постойте. Я вас нарисую...

– И за это, значит, заплатите? *Дурные* деньги у вас, что ли?

– Не ваше дело.

Незнакомец снисходительно усмехнулся, тоже не спуская с меня взгляда.

– Вы думаете, мне совестно деньги с вас брать? Премного ошибаетесь. А я к тому, что зачем вам понадобилась моя карточка! Ведь, на что-нибудь она вам годится?

Я должен был объяснить, что это вовсе не фотография, и что рисую я исключительно для себя.

– Фотография с руки, разве трудно понять!

Лягушечьи глаза его улыбнулись, он сказал:

– Ну, да ладно. Снимайте!

Он небрежно полулег на траву, облокотившись. Сначала его интересовало, что я делаю. Затем лицо его приняло равнодушное выражение, и он, прищурившись, тупо смотрел вдаль.

Мне хотелось вызвать его на разговор, и я несколько раз начинал беседовать с ним, но он отделялся односложными ответами, мычал и зевал.

– Я уж не первого вас срисовываю... – начал я.

– Всякий свою линию ведёт, – сентенциозно произнёс он и сплюнул, продолжая глядеть в неопределённое пространство.

Лучи солнца отвесно били на нас и так нагрели голову незнакомцу, что он мало-помалу задремал. Клонув носом, он просыпался и раскрывал глаза: но через минуту снова за-

сыпал. Я был рад, когда портрет пришёл к концу, и сонливый незнакомец, получив деньги, удалился от меня.

Дня через два, любуясь солнечным закатом с крутого берега Днепра, я опять увидел незнакомца. Он тоже стоял на горе и смотрел на Подол, тонувший в розовом тумане. Неужто и этот оборванец не лишён чувства природы? Мы, художники, иногда чересчур заносимся, воображая, что мы одни способны наслаждаться красотой. Оборванец, впрочем, не был уже оборванцем. На нём была серая пара и новый картуз. Он поклонился мне приветливо как старому знакомому. А когда я ответил на его поклон, он в радостном волнении подошёл ко мне.

– Узнаёте ли вы, господин, Петьку Голого? – произнёс он хвастливо и окинул себя довольным взглядом.

Да, строго говоря, его трудно было узнать. Всё на нём было чисто, и только кумачовая рубаха по-прежнему была растёгнута на груди. Он точно помолодел, и морщины на его загорелом рябоватом лице разгладились.

– Вас Петькой Голым зовут? Да, вы изменились. Поступили на место, что ли?

Он рассмеялся.

– С какой радости? Скоро двадцать пять лет, как я свободный человек. Никому не служу, сам себе пан.

– Вы из крепостных?

– Да. Лаврский штатный. А всё впрок мне ваши денежки пошли! Извольте видеть, как дали вы мне позавчерась два

пятиалтынных, в ту же минуту сел я в карты играть и в ту же минуту всех обобрал, то есть до нитки, до последнего гроша, даже платочек на шею и тот выиграл. Но как, значит, не терплю стеснения гортани, то и бросил его... Очень вам благодарен, господин, за лёгкую руку.

Он приподнял фуражку.

– Обработал, обчистил, по миру пустил! – вскричал он в каком-то экстазе. – С генеральского кучера богатейшую плюсовую поддёвку снял, а Федосея-лавочника на семнадцать карбованцев нагрел! Да что – всех нагрел! Меди и серебра в платок навязал! Почитай, всего рублей за тридцать хватил! Часы выиграл!

Он показал мне потёртые серебряные часы и несколько ассигнаций.

– Где же это вы... Здесь, в саду?

– А то ж! Вон и теперь дуются! Вон видите!

На полянке, освещённой умирающими лучами солнца, лежала кучка людей, расположившись звездообразно, головой к центру. Они молча и сосредоточенно играли в карты.

– Теперь я на человека похож, – продолжал Петька Голый. – А то, что я был? Жулик, босяк?! Самого себя стыдно было! Верите, как вы стали рисовать, такая совесть заговорила, что чуть я вас тогда ножом не пырнул. Но только ножа на ту пору не случилось, да и трус я – курицы обидеть не могу. Вот и жидов когда били, всего только и попортил я, что мальчишке ихнему скулу своротил, да ещё евреечке

пальчик вывихнул. Потому что я до женского пола чрезвычайно как, могу сказать, охоч. Теперь на мне не краденое, с позволения сказать, а своё собственное – и шапочка, и штаники, и сюртучок. И при часиках я, и при капитале. Вы как думаете? Я такого счастья, может, уже десять лет жду, да всё никак дожидаться не мог, и как оно привалило – решительно не соображаю и до сих пор полагаю, что это во сне...

Он с недоумением взглянул на меня, на свои часы, на асигнации и широко улыбнулся.

– Нет! Не сон это! И за что это мне, Господи! За то, что десятки лет голодал, холодал, угла, где голову преклонить, не знал, а в юности монастырского кнута в избытке даже отведаль и весь век сиротой промаячил! Ну, да уж и справлю я праздник! Боже мой!

На секунду он зажмурил глаза.

– Первым делом, господин, возьму номер в гостинице, чтоб всё было прилично. Я как выиграл деньги, то весь день ещё не ел и не пил, и в желудке у меня, извините за грубость, соловьи щёлкают. Нарочно жду, чтоб приятнее кушанье показалось. Человек во фраке и белом жилете будет у меня прислуживать и все мои приказания духом исполнять. «Эй, братец, подай этого!» «Эй, милый, принеси того!» «Раздень меня, братец!» Четыре рубля и пятьдесят копеек определил я на одно это! А за три рубля Дуньку Плешивую возьму, да её сестрёнку Таньку, да пусть пляшут и пятки мне чешут как настоящему барину. Вина на пять целковых куплю. Да что

Дунька Плешивая или Танька! Экая невидаль! Я настоящую барышню приглашу с Крещатика или из Шата. По струнке ходи передо мной! Повинуйся мне! Ух, мамочка!!

Он вошёл в азарт и размахивал руками. Его глазки сверкали как две огненные точки. Это был мечтатель, много лет ограничивавшийся только грёзами о хорошем житье-бытье и, наконец, достигший, нежданно-негаданно, возможности осуществить свой заветный идеал. Этот Петька ходит чуть не нагим, голодный и озлобленный, бесплодно вождедеющий, и вдруг он одет, он в «шапочке» и «при часиках». У него голова шла кругом, и, при малейшей фамиллярности с моей стороны, он заключил бы меня в объятия.

Солнце погрузилось за черту горизонта, и долее оставаться в Царском саду было небезопасно: в «населённости» его я убедился ещё в первую прогулку. Я направился к выходу.

– Пойдите, господин, – озабоченно и просительно сказать Петька Голый. – Что я вас спрошу... Как от вас мне счастье...

Он посмотрел в ту сторону, где игроки неподвижно лежали вокруг карт, страстно затаив дыхание и, должно быть, крепко напрягая зрение: быстро смеркалось.

– И как вы доброй природы, – продолжал Петька, – а между тем, я в самом игроцком ударе... И чтоб уж кутить, так кутить: и Дуньку, и Таньку, и барышню, и чтоб даже шарманка была... То не будете ли вы в такой степени великодушны – не позычите ли мне ещё хоть десять копеек? Тут солдатик

лежит, у него три красненьких в ладонке. Страсть хочется ещё и этие деньги сорвать!

Он так сиял, он так был уверен в выигрыше, а с другой стороны, мне так хотелось поскорее уйти домой от этих подозрительных фигур и от самого Петьки Голого, что я дал ему десять копеек.

Он беспечно засвистал и подошёл к группе картёжников. Кажется, его не сразу приняли, опасаясь его чертовского счастья.

На следующий день, рано утром, я встретил его снова в Царском саду. Он по-прежнему был в изношенном картузе с раздвоенным козырьком, и ноги у него были голые. Вчерашнего великолепия как не бывало. Лицо его поражало своим старческим видом, своим землистым цветом, потухшими глазами, под которыми стояло по фонарю. Мне показалось, что в его бороде много седины.

Заметив меня и мой вопросительный взгляд, Петька Голый нахмурил брови и зверски закусил нижнюю губу. Он ничего не сказал. Но я догадался: мои деньги на этот раз принесли несчастье.

Дунька Плешивая

Босяки, населяющие Царский сад, не только знакомы между собою, но и почти все – большие приятели. Что-то вроде артелей или кружков, существует у них. На голодный желудок, босяк лежит под деревом и дремлет, ленивым глазом посматривая на прохожих. Но если ему удастся раздобыть копейку, он вдруг оживляется. Он вскакивает, торопливо шагает по откосам, и его оживление такой благоприятный признак, что мигом вскакивают и другие босяки, столь же лениво и безнадежно дремавшие там и сям в саду. Вокруг счастливец собирается кучка голодных друзей, и кто-нибудь, одетый поприличнее, снаряжается «в город» за селёдкой или колбасой, а также за полуштофом. Выпив и закусив, босяк «полагает себя» самым счастливым человеком в мире и об одном только молит Бога, чтобы холода не наступили, чтобы дождей не было, и чтоб полиция не привязывалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.